

УДК 343.6

А. В. Мотин

Палата адвокатов Самарской области, Самара, e-mail: amotin85@yandex.ru

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ
ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Ключевые слова: дифференциация ответственности, привилегированный состав, признак преступления, криминализация, правовые средства, уголовно-правовая реакция, опасность преступления, преступления против личности, классификация, систематизация.

В статье исследуется проблема дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, совершенные при смягчающих обстоятельствах. Автор обращено внимание на конструкции семи таких составов преступлений, содержащихся в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, и исследован вопрос их социальной обусловленности. По результатам анализа представленных в научной литературе точек зрения по данной проблеме, а также по результатам авторского исследования, сделан вывод о том, что проблема привилегированных составов должна рассматриваться не только (а возможно, и не столько) в рамках темы дифференциации уголовной ответственности, сколько в общем контексте криминализации общественно опасных деяний и выполнения уголовным законодательством предупредительных задач. Доказывается, что минимум криминальной общественной опасности деяний определенного вида устанавливается в процессе криминализации, причем на уровне именно основного состава преступления. Автор обоснована необходимость пересмотра также устоявшейся классификации и систематизации преступлений против жизни и преступлений против здоровья. Обсуждая вопросы криминализации причинения вреда здоровью при превышении пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния, и в состоянии аффекта, в статье уделено внимание и вопросу об установлении «нижнего порога» вреда, причинение которого требует криминализации и (или) может рассматриваться в качестве преступного деяния.

A. V. Motin

Chamber of Lawyers of the Samara Region, Samara, e-mail: amotin85@yandex.ru

**DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR CRIMES AGAINST THE PERSON BY CONSTRUCTING
PRIVILEGED ELEMENTS OF CRIMES**

Keywords: differentiation of responsibility, privileged composition, attribute of crime, criminalization, legal means, criminal-legal reaction, danger of crime, crimes against the person, classification, systematization.

The article examines the problem of differentiation of criminal liability for crimes against the person committed under mitigating circumstances. The author draws attention to the construction of seven such elements of crimes contained in the current version of the Criminal Code of the Russian Federation, and examines the issue of their social conditionality. According to the results of the analysis are presented in the scientific literature points of view on this issue, and the results of the author's research concluded that the problem of preferred compounds should be considered not only (and perhaps not so much) under the theme of differentiation of criminal responsibility, as in the General context of the criminalization of socially dangerous acts and execute the criminal laws of the warning task. It is proved that the minimum of criminal public danger of acts of a certain type is established in the process of criminalization, and at the level of the main corpus delicti.

Введение

Дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности посредством конструирования привилегиро-

ванных составов преступлений, хотя и имеет долгую историю [1, с.77], занимает весьма скромное место в содержании уголовной политики страны. В общем массиве составов

преступлений, посягающих на личность, закон выделяет лишь семь составов, описывая их в пяти статьях (УК РФ). При этом привилегированные признаки используются для описания посягательств лишь на два объекта – жизнь и здоровье.

В нашу задачу не входит криминологический анализ имеющейся статистической информации и детальное объяснение очевидных нисходящих тенденций. Ограничимся общим указанием на сокращение уровня насилия в обществе, нормализацию межличностных отношений, уменьшение объемов вызывающего и провоцирующего поведения, нормативное расширение пределов правомерности причинения вреда при обороне и задержании лиц, совершивших преступления. **Цель** нашего исследования – обратить внимание на сами нормативные конструкции и исследовать вопрос их социальной обусловленности.

Материал и методы исследования

В ходе подготовки настоящей статьи изучены высказанные в науке точки зрения относительно заявленной проблематики, приведен критический взгляд на них; также проанализировано действующее уголовное законодательство России, устанавливающее ответственность за преступления против личности.

Результаты исследования и их обсуждение

В науке нет особых разночтений в понимании привилегированного состава преступления и привилегированных признаков. Привилегированным признается состав, содержащий, помимо конститутивных, дополнительный признак, обуславливающий пониженную общественную опасность данного состава по сравнению с основным, т.е. привилегированный признак [2, с.94], при этом норма, содержащая основной состав, признается общей по отношению к содержанию как квалифицированных, так и привилегированных составов, которые воспринимаются как специальные [3, с.280; 4, с.220].

Представлены в науке и не вызывающие возражений критерии отбора обстоятельств, «претендующих» на закрепление в качестве привилегированных признаков состава преступления (критерии привилегизации):

1) они всегда должны свидетельствовать о существенно меньшей степени общественной опасности деяния;

2) должны характеризовать содеянное, то есть проявиться в преступлении;

3) быть относительно распространенными (т.е. не носить единичного характера), однако они не могут сопровождать большинство преступлений определенного вида;

4) могут быть сформулированы в достаточно абстрактной форме;

5) должны быть процессуально доказуемы;

6) должны быть согласованы с иными нормами, институтами и принципами уголовного права, а также с другими привилегированными и квалифицирующими признаками и логикой их законодательной регламентации [5, с.18-19].

Вместе с тем, надо признать, что внимание научной общественности и законодателя к проблеме привилегированных составов не является стабильно высоким. Даже в специальных источниках им либо вовсе не уделяется внимание [6], либо посвящается всего несколько абзацев [7]. Т.А. Лесниевски-Костарева признает, что «привилегированные признаки неоправданно отгеснены на второй план. За исходный уровень общественной опасности (основной состав) нередко принимается такой, который, по существу, должен быть отражен в привилегированном составе. Законодатель идет по пути дифференциации ответственности почти исключительно путем введения в закон квалифицирующих признаков. В итоге наблюдается правовая оценка большей части преступлений определенного вида не по первой, а по второй и последующим частям статьи Особенной части уголовного закона, что свидетельствует о неадекватном распределении функций между основным и квалифицированными составами преступлений» [8, с.201-202].

Признавая точность наблюдения Т.А. Лесниевски-Костаревой, полагаем все же, что было бы неоправданным упрощением требовать масштабного пересмотра системы составов преступлений, перевода части основных составов преступлений в разряд привилегированных, а части квалифицированных – в разряд основных, только на основании статистической информации о масштабах и особенностях применения уголовного закона. *Проблема привилегированных составов должна рассматриваться не только (а возможно, и не столько) в рамках темы дифференциации уголовной ответственности, сколько в общем контексте криминализации общественно опасных*

деяний и выполнения уголовным законодательством предупредительных задач.

Объявляя то или иное деяние преступным и заслуживающим уголовной ответственности, законодатель, во-первых, исходит из того, что его предупреждение невозможно или неэффективно иными правовыми средствами (например, мерами административной или гражданско-правовой ответственности), а во-вторых, определяет некую минимальную планку, по достижении которой поведение лица признается заслуживающим уголовно-правовой реакции. Эта планка не всегда отделяет допустимое от недопустимого. В качестве промежуточного звена между этими полюсами могут выступать иные предупредительные нормы (в сфере публичной ответственности, это прежде всего, нормы КоАП РФ). Но она всегда отделяет преступное деяние от иного (неправомерного или правомерного). Иными словами, *минимум криминальной общественной опасности деяний определенного вида устанавливается в процессе криминализации, причем на уровне именно основного состава преступления.* Деяния, обладающие меньшей опасностью, нежели предписана в основном составе преступления, по общему правилу, не могут и не должны требовать уголовно-правовой реакции, а следовательно и не подлежат криминализации. Для их оценки в системе права существуют иные возможности, не связанные с подключением самой строгой из имеющихся – уголовной ответственности.

С учетом сказанного, проблема привилегированных составов преступлений приобретает, как нам представляется, иное и более важное звучание. Очевидно, что если в силу каких-либо дополнительных признаков деяние «не дотягивает» до опасности, свойственной преступлению определенного вида, оно не может признаваться его разновидностью. Если деяние с привилегированным составом не обладает опасностью, которая свойственна деянию с основным составом, то такое и не может признаваться разновидностью преступления вообще, тем более с учетом отмеченных представлений о соотношении таковых составов по типу «общее – особенное». Преступление с квалифицированным составом обладает всеми признаками основного состава и потому опасность «основного» преступления за-

ключена в «квалифицированном». В отличие от этого, преступление с привилегировающим признаком, хотя формально и имеет аналогичную конструкцию (его состав содержит признак, отсутствующий в основном составе), тем не менее, не обладает опасностью «основного преступления», а значит и не отвечает условиям и требованиям криминализации этого «основного преступления». И несмотря на это, законодатель признает «привилегированное деяние» преступлением.

В такой ситуации возникает закономерный вопрос – почему? Ответ на него, по нашему мнению, стоит искать не в области дифференциации уголовной ответственности, а в сфере межотраслевой дифференциации публично-правовой ответственности и криминализации деяний. Если какое-либо деяние, смежное с тем, что предусмотрено в основном составе преступления, не обладает опасностью этого «основного преступления», законодатель вправе использовать для противодействия ему возможности, которые предоставлены КоАП РФ. Классическими иллюстрациями здесь могут выступать нормы, ориентированные на противодействие хищениям, хулиганству, нарушениям некоторых специальных правил безопасности. Однако в некоторых случаях законодатель полагает, что мер административной ответственности явно недостаточно и, пользуясь конституционной свободой усмотрения в решении вопроса об определении вида противоправности деяния, объявляет деяния, не обладающие опасностью свойственной основному составу криминализованного деяния, преступлениями. Привилегированные составы убийств и причинения вреда здоровью – тому подтверждение. Полагаем, что основание такого решения кроется не в оценке именно привилегировающих признаков и не в сопоставлении опасности «привилегированного преступления» с опасностью «основного преступления», а в оценке деяния как такового с точки зрения общих критериев криминализации. Законодатель, принимая решение о криминализации убийств и причинения вреда здоровью при наличии смягчающих обстоятельств, не дифференцирует ответственность за соответствующие деяния по сравнению с иными случаями убийств и причинения вреда здоровью, а проводит работу по их, если допустимо так

выразиться, «первичной криминализации», сопоставляя их опасность не с опасностью «основных преступлений» против жизни и здоровья, а с опасностью, которой должно обладать преступление как таковое. Если результат сопоставления свидетельствует о совпадении показателей опасности с нормативной моделью преступления, принимается решение о криминализации, если нет – об установлении ответственности за деяние в КоАП РФ.

Изложенное дает основание для фундаментального вывода о необходимости отказа от восприятия исследуемых составов преступлений в качестве привилегированных, и в целом о необходимости пересмотра традиционного взгляда на средства дифференциации уголовной ответственности. Полагаем, что признаки состава преступления, именуемые сегодня привилегированными, как таковые не могут и не должны рассматриваться в рамках учения о дифференциации ответственности. Они выполняют иную, по сравнению с квалифицирующими признаками функцию. Если квалифицирующие признаки, будучи дополнительными по отношению к признакам основного состава, призваны дифференцировать ответственность, основанием которой выступает деяние, содержащее основной состав преступления, то привилегированные признаки выполняют качественно иную, фундаментальную функцию, обосновывая в своей совокупности само наличие основания уголовной ответственности.

Такой подход к пониманию привилегированных составов преступлений дает возможность по-новому взглянуть на некоторые традиционные проблемы систематизации, толкования и применения норм, которые сегодня именуется нормами с привилегированными составами преступлений против личности.

Заметим, что робкая попытка реализовать его была предпринята в науке. Так, Э.В. Кабурнеев писал, что причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания (части 1 и 2 ст. 108 УК РФ) не может признаваться убийством. «Данные преступления следует исключить из категории убийств и именовать «причинением смерти при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания» [9, с.13]. Однако эта мысль не была развита должным образом и не нашла за-

метной поддержки в литературе. Тем не менее, в ней отражен глубокий смысл. Преступление с привилегированными признаками, не будучи разновидностью «основного преступления», обладает не только иными показателями степени общественной опасности, но и иным характером опасности. По сути, это совершенно «иное», «самостоятельное» преступление. С этой точки зрения использование для его обозначения иного наименования, иной терминологии, как это предлагает Э.В. Кабурнеев (и как это реализовано в действующем УК РФ для различения преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 109 УК РФ), отражает не только внешний аспект различий, но и содержательный, сущностный, подчеркивая, что речь идет о различных по характеру и степени общественной опасности преступлениях.

Заслуживает пересмотра также устоявшаяся классификация и систематизация преступлений против жизни и преступлений против здоровья. Привилегированные составы преступлений против жизни и здоровья традиционно воспринимаются в качестве особой подсистемы соответствующих посягательств. Применительно к преступлениям против здоровья специалисты отмечают, что «привилегированные виды причинения вреда здоровью имеют единство и взаимосвязь между собой, данные виды преступлений однородны и расположены в законе в определенном порядке. Соответственно, в рамках общей совокупности (системы) преступлений против здоровья они являют собой подсистему, микросистему, которой свойственны все необходимые признаки такого формирования» [10, с.132]. С таким суждением сложно согласиться в полной мере. Оспоримы, в частности, утверждения об «однородности» привилегированных составов и наличии у них системных свойств. Применительно к убийствам обоснованные сомнения на этот счет озвучил М.Д. Точеный. Он пишет: «Преступления, предусмотренные ст. 108 УК, с одной стороны, и общественно опасные деяния, описанные в ст.ст. 106, 107 УК РФ, заметно отличаются друг от друга». Поэтому автор предлагает выделять четыре вида убийства: убийство при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (ст. 108 УК РФ); простое убийство со смягчающими обстоятельствами (ст. 106, ст. 107 УК РФ); простое тяжкое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ); особо тяжкое убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) [11, с.8].

Представляется, что идея обновления систематизации исследуемых преступлений должна быть разработана полнее, в качестве проблемы общего порядка, охватывая собой посягательства и на жизнь, и на здоровье. С учетом общности оснований для установления более мягких санкций, преступления, предусмотренные в статьях 107 и 113 УК РФ, с одной стороны, а также преступления, предусмотренные статьями 108 и 114 УК РФ, с другой, должны рассматриваться в качестве самостоятельных групп посягательств в общем массиве деяний, описанных главой 16 УК РФ. Именно в таком интегрированном виде, и именно здесь, в общем массиве посягательств, они должны занять свое место. Нецелесообразным видится их раздельное позиционирование в качестве особой разновидности преступлений против жизни и преступлений против здоровья. В прогностическом плане полагаем целесообразным составы причинение вреда жизни и здоровью под влиянием аффекта объединить в одну норму, также как в самостоятельных нормах предусмотреть ответственность за причинение вреда жизни и здоровью при нарушении условий правомерности обороны и задержания. И поскольку традиционная систематизация преступлений главы 16 УК РФ включает в себя три основные группы: преступления против жизни, преступления против здоровья и преступления, ставящие в опасность оба эти объекта [12, с.17-18,169], то посягательства на жизнь и здоровье, вызванные состоянием аффекта или связанные с превышением пределов правомерности причинения вреда, следует отнести именно к этой третьей группе, отделив тем самым от убийств и от «стандартных» преступлений против здоровья.

Новая систематизация ставит вопрос о ее юридико-техническом оформлении непосредственно в тексте уголовного закона. Специалисты, отстаивающие идею привилегированных составов преступлений, обращают внимание на то, что установленный в УК РФ порядок изложения основных, квалифицированных и привилегированных составов убийств и причинения вреда здоровью не в полной мере соответствует основному теоретическому требованию – излагать в одной статье все разновидности состава, выделяемые по степени общественной опасности. А.П. Штанькова в связи с этим предлагает новый порядок,

предполагающий, во-первых, использование буквенных индексов для обозначения статей, содержащих квалифицированные и привилегированные составы преступлений, а во-вторых, изменение местоположения норм об ответственности за причинение вреда здоровью при смягчающих обстоятельствах. Согласно ее концепции, вслед за ст. 105 УК РФ должны следовать ст. 105-а (сейчас это ст. 106 УК РФ), затем ст. 105-б (ст. 107 УК РФ в действующей редакции) и ст. 105-в (сейчас – ст. 108 УК РФ); вслед за ст. 111 УК РФ должна следовать ст. 111-а (сейчас – ст. 113 УК РФ), затем ст. 111-б (сейчас – ч. 1 ст. 114 УК РФ) и ст. 111-в (сейчас – ч. 2 ст. 114 УК РФ); вслед за ст. 112 УК РФ должны следовать ст. 112-а (сейчас – ст. 113 УК РФ), затем ст. 112-б (сейчас ч. 2 ст. 114 УК РФ) [13, с.280-281]. При таком подходе, действительно, можно обеспечить логический порядок изложения составов преступлений. Однако, как отмечалось, он требует важного допущения: признания самой идеи привилегированных составов. В нашей концепции, очевидно, решение должно быть иным. Представляется, что нормы, созданные на основе интеграции предписаний ст.ст. 107 и 113 УК РФ, и ст.ст. 108 и 114 УК РФ, вполне могут занять свое место в заключительной части главы 16 УК РФ, расположившись после ст. 125 УК РФ.

Еще одна важная теоретическая проблема, которая может быть успешно решена, исходя из идеи отказа от конструкции привилегированных составов и новой систематизации преступлений против личности, состоит в проведении обоснованной дифференциации ответственности за исследуемые преступления против личности.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации привилегированные составы, отражая пониженную степень опасности убийств и причинения вреда здоровью, как правило, выступают «конечной точкой» дифференциации уголовной ответственности. Статьи 106, 108, 113 и 114 УК РФ не содержат квалифицирующих признаков; части второй статей 108 и 114 УК РФ содержат не квалифицированные, а самостоятельные виды преступлений, выделяемые на основе специфики обстоятельств, исключающих преступность деяния; ст. 113 УК РФ не дифференцирует ответственность за причинение вреда в состоянии аффекта, в зависимости от объема этого вреда.

Только в ст. 107 УК РФ (убийство в состоянии аффекта) законодатель посчитал возможным выделить квалифицированный вид преступления – убийство двух или более лиц. Это решение воспринимается в науке неоднозначно. М.Н. Каплин пишет, например: «Нелогичным и несправедливым представляется усиление ответственности за убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107). Во-первых, количество потерпевших в данной ситуации не в полной мере зависит от виновного. Получается, что закон ставит ему в вину то обстоятельство, что его «довел» не один человек, а несколько. Во-вторых, использование конструкции «квалифицированный привилегированный состав» является несвойственным отечественному уголовному праву. Нелогично, когда законодатель сначала снижает ответственность, а затем пытается ее усилить. Следовательно, ч. 2 из ст. 107 необходимо исключить» [3, с.18-19]. Его поддерживает Н.Е. Аленкин, предлагая отказаться от предусмотренного ч. 2 ст. 107 УК РФ «квалифицированного привилегированного состава» и избежать неоправданного усложнения системы привилегированных составов убийства [5, с.11]. С иной системой аргументов, предлагая квалифицировать убийство двух или более лиц в состоянии аффекта по правилам совокупности преступлений, выступает Н.А. Лопашенко [14, с.400]. Не предвещая вопроса о квалификации аффективных убийств при наличии множества потерпевших и поддерживая высказанную в предыдущей части исследования мысль о необходимости отказа от квалифицирующего признака, отражающего множество потерпевших в составе убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, согласимся, что с точки зрения соотношения квалифицированных и привилегированных составов, состав ч. 2 ст. 107 УК РФ, действительно, представляет собой противоречивую и нелогичную конструкцию, а потому без потери качества уголовного закона вполне может быть изъят из системы преступлений против личности.

Понимание же исследуемых посягательств не как привилегированных преступлений против жизни и здоровья, а как самостоятельных, обособленных преступлений, позволяет без использования спорной

конструкции «квалифицирующего признака привилегированного состава» решать вопросы дифференциации ответственности более последовательно и логично.

В частности, устанавливая ответственность за причинение вреда при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, законодатель: (а) криминализирует в качестве самостоятельных деликтов причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны и превышении пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; (б) дифференцирует ответственность за такие превышения пределов, исходя из объемов причиненного вреда. При таком подходе в теоретическом отношении принципиально смещается акцент в описании деяния. Сегодня деянием признается убийство в ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, причинение тяжкого вреда здоровью в ч. 1 и ч. 2 ст. 114 УК РФ, причинение средней тяжести вреда здоровью в ч. 2 ст. 114 УК РФ. Превышение пределов правомерности причинения вреда в системе признаков составов соответствующих преступлений занимает весьма неопределенное место. В специальных источниках, как правило, не исследуется вопрос о том, какой именно признак состава преступления характеризует «превышение пределов», не называется, какой именно признак выступает «привилегиирующим». В редких случаях указывается, что такой признак описывает обстановку причинения вреда [15, с.108] или «обстоятельства», связанные с процессом защиты или задержания [16, с.252]. Мы же полагаем, что в рассматриваемых ситуациях деяние виновного как раз и состоит в превышении пределов обороны или задержания, в то время как причинение вреда здоровью или наступление смерти выступает в качестве последствий его деяния. Это дает основание для реализации принципиально иного подхода к криминализации исследуемых деликтов и дифференциации уголовной ответственности за них. Полагаем, что в рассматриваемой ситуации на роль криминализируемого деяния должно претендовать именно превышение пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, ответственность за которое должна быть дифференцирована в квалифицированных составах преступлений в зависимости от объема причиняемого вреда жизни и здоровью.

Такой подход позволит грамотно решить вопрос о возможности установления ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Специалисты пишут: «исключение из ст. 114 УК РФ нормы об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны не может быть объяснено изменениями, произошедшими в социальных и правовых условиях страны. Кроме того, умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести в ситуации превышения пределов необходимой обороны не обладает меньшей общественной опасностью по сравнению с его нанесением при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» [17, с.356]; «существует необходимость внесения изменений в ст. 114 УК РФ: в ее ч. 1 следует предусмотреть ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, а в ч. 2 – за нанесение тяжкого вреда здоровью при тех же обстоятельствах» [10, с.132].

Полагаем, в этих суждениях есть рациональное зерно. Сегодня вопрос об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов обороны решен на уровне постановления Пленума Верховного Суда. В постановлении № 19 от 27.09.2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» Пленум Верховного Суда РФ указал: «Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства» (п. 11). Такой подход отражает лишь один из возможных вариантов толкования уголовного закона и в литературе вызывает вполне обоснованные сомнения. В.В. Орехов, к примеру, убедительно доказывает, что закон не исключает ответственности за причинение средней тяжести или легкого вреда здоровью при нарушении условий правомерности обороны или иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, с обязательным смягчением на-

значаемого наказания в силу предписаний ст. 61 УК РФ [18, с.94-95]. Действительно, причинение средней тяжести вреда здоровью при обстоятельствах, связанных с превышением пределов обороны, не может быть оправданно. Не повторяя аргументов, связанных с социально-криминологическими основаниями криминализации насилия при превышении пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, заметим, что такая криминализация является вполне оправданной с точки зрения учения о дифференциации ответственности. Во-первых, криминализация превышения пределов обороны, которое повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью, обеспечит системность в криминализации причинения вреда при нарушении условий правомерности различных обстоятельств (в частности, обороны и задержания), во-вторых, новый подход гарантирует последовательность в дифференциации ответственности за нарушение условий правомерности, которое повлекло различные последствия – средней тяжести вред здоровью, тяжкий вред здоровью и смерть. Предполагаемая модель статьи уголовного закона могла бы в данном случае выглядеть следующим образом: 1. Превышение пределов правомерности обстоятельства, исключающего преступность деяния, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью; 2. То же деяние, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью; 3. То же деяние, повлекшее смерть.

По аналогичной схеме представляется разумным построить и норму об ответственности за причинение вреда здоровью и смерти в состоянии аффекта, с одной стороны, объединив посягательства, предусмотренные сегодня в ст. 107 и ст. 113 УК РФ, а с другой стороны, вычленив в отдельные части статьи ответственность за аффективные деяния, повлекшие различные последствия: 1. Причинение средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; 2. Причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта; 3. Причинение смерти в состоянии аффекта.

Обсуждая вопросы криминализации причинения вреда здоровью при превышении пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния, и в состоянии аффекта, нельзя пройти мимо вопроса об установлении «нижнего порога» вреда, причи-

нение которого требует криминализации и (или) может рассматриваться в качестве преступного деяния. Как отмечалось, В.В. Орехов допускает привлечение к ответственности по общим нормам случаев причинения легкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, а В.С. Коновалов предлагает криминализировать нанесение побоев в состоянии аффекта [19, с.9]. Представляется, что такие предложения, лишь формально согласующиеся с требованиями системности законодательства и позволяющие всем «основным» составам причинения вреда здоровью противопоставить корреспондирующие составы со смягчающими обстоятельствами, не в полной мере согласуются с нашим подходом, предполагающим необходимость сопоставления опасности таких преступлений не с опасностью «основного» деликта, а с общими критериями опасности деяния, подлежащего криминализации. Полагаем, что причинение легкого вреда здоровью или побои, совершенные при превышении пределов обороны, задержания преступника или в состоянии аффекта, не обладают тем уровнем общественной опасности, который позволяет рассматривать их в качестве преступлений (тем более что ответственность за побои сегодня, в принципе, установлена в КоАП РФ).

Выводы

По результатам нашего исследования приходим к следующему:

1. Проблема привилегированных составов преступлений должна рассматриваться не только (а возможно, и не столько) в рамках темы дифференциации уголовной ответственности, сколько в общем контексте криминализации общественно опасных деяний и выполнения уголовным законодательством предупредительных задач.

2. Минимум криминальной общественной опасности деяний определенного вида устанавливается в процессе криминализации, причем на уровне именно основного состава преступления.

3. Налицествует необходимость в отказе от восприятия исследуемых составов преступлений в качестве привилегированных, и в целом необходимость пересмотра традиционного взгляда на средства дифференциации уголовной ответственности. Признаки состава преступления, именуемые сегодня привилегировавшими, как таковые не могут и не должны рассматриваться в рамках учения о дифференциации ответственности; они выполняют иную, по сравнению с квалифицирующими признаками фундаментальную функцию, обосновывая в своей совокупности само наличие основания уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Усачева А.П. Генезис и развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью при наличии привилегировавших признаков // Общество и право. 2017. № 1. С. 74-77.
2. Научные основы квалификации преступлений: учебник. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 361 с.
3. Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. 21 с.
4. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999. 301 с.
5. Алёнкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 32 с.
6. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.
7. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352 с.
8. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. 287 с.
9. Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 47 с.
10. Усачева А.П. Система привилегированных видов причинения вреда здоровью в российском уголовном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 131-133.

11. Точеный М.Д. Убийство либо причинение телесных повреждений при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ, ч. 2 ст. 114 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. 22 с.
12. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М.: Зерцало-М, 2008. 255 с.
13. Штанькова А.П. Внешняя законодательная техника привилегированных составов преступлений // Вестник ВГУ. Серия Право. 2017. № 2. С. 276-281.
14. Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. 540 с.
15. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. 923 с.
16. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 680 с.
17. Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. 487 с.
18. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 217 с.
19. Коновалов В.С. Уголовная ответственность за причинение легкого вреда здоровью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 26 с.